

1899 г.

4 февраля 1899 г.

НАШИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ДЕЛА. IV.

Постановка "Снегурочки" на сцене Мариинского театра. Выставки: акварельная, международная, французская, ученическая в Рис. школе Имп. Общества поощр. художеств и в Училище технического рисования барона Штиглица, художественно-археологическая.

Петербург, 4 февраля 1899 г.

Если промахнётся композитор, если певец даст неверное выражение или сорвётся с ноты, если оркестр возьмёт неподходящий темп - сейчас же эти промахи будут отмечены; но если декоратор нагородит путаницу - об этом обыкновенно не считают нужным говорить, особенно если внешняя техническая сторона написаний прекрасна; а между тем кругом, среди разговоров о новых путях искусства, отводится значительное место именно искусству декоративному, именно от него ждут всяких особых благ.

Не обращают достаточного внимания на декоративную сторону в театрах вовсе не потому, чтобы считали эту сторону не стоящей разговоров, ибо всякому понятно, как мало останется от оперы, лишённой должного зрительного воздействия, как несущественно будет она отличаться от симфонического оркестра, который (кстати заметить) и без того для некоторых слушателей имеет явные преимущества перед оперой: симфонический концерт даёт больший простор фантазии, тем более, что если в представлении и окажутся те или иные неточности, то незаслуженного насилия над фантазией, упихивания её в тесное, чужое помещение во всяком случае не будет.

Не принципиально не обращают внимания на тщательность оперной постановки, а просто в силу какого-то странного, лёгкого отношения к делу, - сойдёт, мол, и так, да ещё и как сойдёт-то, с "аплодисментами". На новой постановке поэтичной "Снегурочки" отразилось именно такое лёгкое отношение, и сказать о нём необходимо, потому что большинство публики, незнакомое с разными деталями, не допускает и мысли о том, чтобы под таким прекрасным обликом ему преподносилась немалая чепуха, чтобы огромные средства, отпускаемые театральной дирекцией, тратились настолько непроизводительно, что разные подробности могут не только не усугублять сумму общего впечатления, но разрушают и уничтожают многое из того, что дают другие стороны оперы.

Без сомнения, найдутся люди, которые скажут, что излишне говорить об естественном недостатке, довольно всем известном, что, среди многих талантов и великих преимуществ, дирекция казённой сцены в отношении постановки русских опер - совершенно бессильна. Об этом-де печальном явлении можно про себя сожалеть и печалиться, но выносить сор об этой аномалии

безбожно, испытанно бесполезно (причём сейчас же посыплются примеры недочётов постановки: "Рогнеды", "Князя Игоря", "Руслана", "Русалки" и др.).

Может быть, оно и так, но верить в это всё-таки не хочется, особенно вспоминая "Снегурочку" Московской частной оперы, гостившей у нас в минувшем году.

В прошлом Великом посту публика видела, что можно сделать, отнесясь к делу серьёзно, с любовью и, главное, с пониманием. Декорации Московской частной оперы, неважные по технике, но полные проникновения в самую суть славяно-языческого времени, производили впечатление очень сильное; особенно хороши были: "Палата царя Берендея" (воспроизведённая в № 1 нашего журнала), "Берендеева слобода" и "Ярилина долина" с её типичной для русского пейзажа горой, с таинственными заводьями и камышами второго плана. Костюмы и ансамбль игры также вполне гармонировали с духом замысла и музыки. Типы царя Берендея, Мороза, Купавы, Бермяты, наконец, полный юмора обнищавший Бобыль - всё это было несомненно художественно. А ведь и сцена была потесней, и хор был поменьше, и все средства потоньше!

Невольно приходило на ум: какое великолепие получится, если всю эту прелесть перенести на казённую сцену, прибавить хора, оркестра, световых и прочих технических эффектов, в отношении которых справедливо величается Мариинский театр.

Конечно, после таких соображений постановка "Снегурочки" на казённой сцене явилась чем-то особенно интересным: если на частной сцене возможно такое сильное впечатление, то как удесятится оно при колоссальных средствах казённого театра, при щедрости дирекции, не жалеющей средств на роскошные постановки.

Слышалось, что вместо прежних малоудачных декораций, пишутся новые, тщательно обдуманые, роскошные; причём, знаю, многие находились в приятном заблуждении, что истинно национальные образы, созданные для "Снегурочки" В. М. Васнецовым, послужат канвою для работ декораторов Мариинского театра... Но не тут-то было.

Гг. декораторов обуяла самостоятельность, - разве им указ, как думают люди, постигшие дух русского стиля! Оказалось, что до декораций и костюмов к "Снегурочке" они дошли собственным умом: "Вы-де - так, а мы - этак".

Смешения славян с Берендеями (тюркским племенем южнорусских степей) не могло, само собою, смущать декораторов - весь текст "Снегурочки" дышит древним славянством; эта же языческая эпоха, при сохранении сказочно-фантастических черт, чудесно вылилась в музыке Н. А. Римского-Корсакова. Таким образом, соображения о национальности Берендеев не являлись вопросом для декоратора, о чём и заявил он, написав на занавеси: "Снегурочка, весенняя сказка", - славянской вязью, но вязью, к сожалению, плохо выбранною, словно у нас нет более типичных и вкусных образцов славянского письма. Идея второй, специальной пьесы занавеси (применённой в "Снегурочке") - сама по себе симпатична и не раз практиковалась в Европе. Специальная занавесь как бы приуготовляет зрителя к предстоящему, является звеном, вводящим его в отдельный мир. И в данном случае специальная занавесь явилась тоже приуготовляющим мотивом, но приуготовляющим не к погружению в седую сказочную старину, а к великой декоративной путанице последующего.

В центре занавеси на лазоревом поле, в ореоле жёлтых зигзагов лучей, помещается какое-то существо, подобие "американского жителя", одетое в жёлтую юбочку с бахромой. Благодушно настроенные давно желанною постановкою любимой оперы, вы смеётесь курьёзной идее декоратора начать поэтическую сказку таким, мало подходящим, водевилем, но вдруг, к ужасу, замечаете в руке существа сноп колосьев. Неужели это Ярило, светлый бог тепла? - Ярило, к которому несётся торжественная, широкая песнь:

"Свет и сила бог Ярило,
Красное солнце наше, нет тебя в мире краше"...

Неужели же этот величавый образ олицетворяется жалкой куколкой на занавеси? Как это бедно и мизерно! Под несообразным изображением Ярилы помещается нехудожественный, скучный и притом явно декадентствующий мотив тройного ряда подсолнухов. Края занавеси, которые вроде фронтона и пилястр остаются на всё представление, заполнены славянскими плетешками и орнаментами, запутанными до невероятия.

Декорация пролога хороша, тем более что московская архитектура слободы Берендеевой, благодаря лунному освещению, не бросается в глаза; но костюмы портят всё дело. Появляется в бальном платье Весна, и самая фата с изображением ласточек указывает на необычайность чисто современного костюма. С Морозом дело выходит ещё хуже, потому что наружность халдейского мага - русскому Морозу вовсе не соответствует. Мало ли как представляет себе Мороз народ и как все люди его представлять привыкли, - где уж тут посторонними источниками пользоваться, когда сам текст Островского остаётся в стороне и вся толпа Берендеев должна бессовестно лгать, восклицая:

"Боярышня! Живая ли? Живая,
В тулупчике, в сапожках, в рукавичках", -

тогда как перед ними была особа в настолько модернизированном одеянии, что, не шучу, во время антракта встретил в фойе барышню почти в таком же наряде и вовсе не обращающую на себя внимания ряженьем. К чему такое глумление над текстом? - точно без него нельзя обойтись.

Толпа Берендеев, разодетых совсем не в слободские костюмы, очевидно, забыла о времени года - короткие рукава женских нарядов мало идут к снежному пейзажу!

Бобыль Бакула, у которого "ни кола, ни двора, ни скота, ни живота", появляется в чудесном, чуть-чуть что не атласном, кафтане, с расчёсанной головой, совсем не свидетельствующей, что он "шатался всю неделю".

Декорация слободы Берендейской (I действие), на многих производящая впечатление своею фантастичностью, имеет вид скорее японского, нежели древнеславянского, посёлка. Впечатление какой-то японской постройки усиливается головою японского дракона, помещённой на западном фронте хором Мураша. Изба Бобыля вряд ли даст понятие о бедности его сиротской. Но рядом с этими промахами попадают и части, очень подходящие сказочному стилю, напр., костюм Мизгиря: нашивки на полах кафтана, хотя более соответствуют тулупу, нежели летней одежде, но всё же дают верную ноту.

Общее впечатление этого действия ещё сносное, сравнительно с мешаниной следующего - Берендеевой палаты, которая, к сожалению, благодаря яркости и воздушности исполнения, выгодно влияет на публику.

Простор, высота, камень и прочие чуждые славянского архитектурного стиля элементы - все налицо. На дальнем плане светятся на солнышке каменные фантастические сооружения, переносящие зрителя - куда угодно и скорее всего во дворец Черномора, нежели в палаты Берендея. Пусть себе Островский пишет: "Открытые сени во дворец Берендея; в глубине, за точёными балясами переходов, видны вершины деревьев сада, деревянные резные башни и вышки"; пусть он себе пишет это, а декораторы знают дело куда лучше и изображают вместо сада канал с каменной облицовкой и каменные сооружения, *ибо фактура изображенных построек вовсе не деревянная.*

Любопытно знать, откуда почерпнули авторы декорации все эти архитектурные подробности, откуда вдохновились они, напр. чудовищным по размерам, кариатидоподобным идолом, высящимся на втором плане, по левую (зрителя) руку? При чём в славянской палате идол? Ни русские, ни арабские, ни западные о южных и прибалтийских славянах источники, ни позднейшие финские древности не дают понятия о таких идолах, - происхождение его более мексиканское, чем славянское. Норвежские детали звериного стиля, ажурные, воздушные мостики, каменная набережная канала спутывают зрителя, сбивают с толку; главное же худо, что исполнено всё это технически подкупающе - хорошо.

Само собою, весь сюжет сказочный, и декоратор не обязан держаться строго научных требований, - чувство и чутьё в таких случаях играют большую роль, но всё же устраивать подобную, ни с чем не сообразную, архитектурную кашу - тоже никак не приходится.

Третий акт, поляна в заповедном лесу, среди всех декораций "Снегурочки" оставляет наиболее приятное воспоминание. Очень удачно передано впечатление спускающейся поверхности второго плана, поросшего мелким ельником. Подобная нота частого ельника как нельзя более гармонирует с русским сказочным стилем, и потому в этом действии, в самом деле, можно перенестись на высокий бугор с утоптаным хребтом, - место древнеславянских празднеств. Если бы в лесу прибавить больших серых валунов, столь свойственных нашим лесам, а к вечеру, когда сгустится прозелень вечернего неба (очень правдиво переданная на декорации), дать эффект костров, зажжённых по кустам, то картина несомненно выигрывала бы ещё более. При дешёвых проделках над Мизгирём лес прекрасно сгущается, человекообразные (немного переутрированные) деревья тянутся со всех сторон, образ Снегурочки эффектно мелькает в разных углах сцены. Много было бы лучше, если бы быстро сверкающие звёздочки заменить таинственными, мутно жёлтыми языками блуждающих огней (они ведь могли бы быть довольно значительной высоты), а также зелёными светляками и фосфорическим свечением гнилых пней, - в лесу прибавилось бы сырости, затхлости, необходимой для такого глухого места. В сгустившемся мраке чащи выступают серые древоподобные люди с сучьями в руках и непролазным кругом обнимают обезумевшего Мизгирия. Это фантастично и хорошо придумано: видно, если захотят, - могут сделать и ладное.

Но приятное впечатление декораций леса не остаётся неприкосновенным, - его нужно чем-нибудь испортить, и вот его портят танцами.

Царь Берендей даёт ясную программу танцам словами:

"Пляшите, кувыркайтесь, ломайтесь, дураки!"

Сперва начинается танец скоморохов, среди них - медведь и лиса, причём никак нельзя понять, что медведь и лиса ряженые или приручённые. Куда типичнее вышли бы скоморошья танцы, если бы медведь был на цепи, или даже несколько медведей начали выделывать свои учёные штуки. Но это пустяки, а вот последующий танец, названный танцем хмеля, - эпизод для русской сказки вовсе неподходящий: это не танец хмеля, а классическая, вакхическая пляска под русскую музыку, т. е., значит, вышло что-то уж очень несуразное, т. к. манера пляски Петипа, думается, к русской сказке не пристала.

В последнем действии бросаются в глаза два пробела: первый - голая скала среди озера даёт характер пейзажу совсем не славянский; второй пробел - восход солнца, т. к. можно ли додуматься до того, чтобы вытащить из-за скалы какого-то серебряного паука, аляповатого, нехудожественного? Сцена располагает такими чудными эффектами восхода, что прибегать к нехудожественным и, вероятно, дорогостоящим вылазкам - нет нужды: помню, в "Пророке" утренняя заря бесподобна, и луч настолько силён, что явился гораздо лучшим олицетворением Ярилы, чем выползший из-за скалы паук.

Не будь в постановке "Снегурочки" указанного смелого творчества, не будь самообольщения превзойти общепризнанного знатока этого стиля - может быть и не пришлось бы указывать поактно... Хотя нет, с какого конца ни взять, а постановка таких значительных для русского человека опер, в которых есть возможность щегольнуть широко понятым русским стилем, в которых воскресает высоко-поэтический мир старины, - постановка таких опер дело важное, имеющее огромное образовательное значение, и требует большого обсуждения.

* * *

Рядом с печальным, периодическим и получившим права гражданства явлением неудавшейся постановки опер, стоит на очереди и другое, тоже не менее печальное, тоже периодическое и тоже уже всеми замеченное явление - последняя акварельная выставка в залах Академии художеств.

Что не идёт вперёд, то тем самым быстро шагает назад, и разительным примером этому может служить акварельная выставка, которая на 20-м году своего существования пришла в такое печальное состояние, что, наконец, приходится назвать вещь её настоящим именем.

Казалось бы, не всё ли равно, чем именно выразить свою мысль: масляными красками, акварелью, углём, пастелью или карандашом, - ведь всяким пером можно описать: может быть, красота почерка будет неодинакова, но читать всё же будет возможно; дело же акварели поставлено Обществом русских акварелистов таким образом, что зрители начинают уже недоумевать: точно ли акварель серьёзное искусство? А иные начинают предлагать выделить некоторых акварелистов из числа художников: "Есть, мол, инженер-технолог и просто технолог, есть инженер-механик и просто механик, - так и тут, может быть, надо различать художника-акварелиста и просто акварелиста". Последняя акварельная выставка, в самом деле, настолько скучна и плоха, что серьёзно о ней говорить нельзя, - отнестись к ней так же серьёзно, как

и к другим художественным выставкам, значило бы умалять значение этих последних, а потому считаться с нею приходится только вообще как с явлением публичным.

Что на ней есть хорошего? Лучше других акварелей А[льб.] Н. Бенуа, хороши они настолько, что выделяются очень заметным оазисом, и ловкий приём, приятные тона и свежесть видны на каждой; можно сказать, г. Бенуа - единственный оплот Общества. Также надо выделить г. Крыжицкого, - на его акварелях видны и рисунок, и любовь к делу. Есть стремление к натуре в винограде г-жи Шнейдер. Всё ещё интересен пока, хотя уже близок к повторению в мотивах, - А. А. Бенуа. Тщательно отыскивая хоть с технической стороны не совсем рутинное, отмечу также: Навозова, Чумакова, Химону, Фельдмана, но всё это составит не более 2-3 десятков вещей, всего же на выставке более 350 произведений! Да и эти немногие десятки относительно лучших вещей могут быть отмечены только с внешней, технической стороны, - о мысли же, о каком-нибудь содержании нет и помина, как по фронту застывших на часах солдат проходите вдоль шеренги акварели - та же вылощенная амуниция, те же выпученные глаза, то же желание услужить. Пройдите между ними раз, два - сколько угодно раз, и всё-таки ничего не запомните, а выйдя на воздух, даже попытаетесь забыть поскорее, что вообще были на выставке.

По каталогу, однако, значатся, среди работ г. Каразина такие заманчивые предметы, как эскизы для фресок зал Одесской Биржи: судя по заглавиям, фантазии художника было где разгуляться, ещё бы! - "Свайный период, каменный век - бронза, кочевые и оседлые славяне", "Античный мир", "Ганзейский торг, союз и Новгородская республика", "Колонии Старого и Нового Света", "Народы Крайнего Севера и прилегающих умеренных стран", "Константинополь и Индия". Как всё это громко и благозвучно, а между тем перед этими эскизами происходят *qui pro quo*¹ такого рода:

Экой прогресс, подумаешь! Смотрите-ка, куда наши чаеоторговцы шагнули!

- При чём тут чаеоторговцы?

- Какие этикетки-то для жестянок закатили! Для кого это - для Перлова или Попова работано? Как в каталоге?

Поглядят в каталоге и смутятся, по сторонам озираются - не слыхал ли кто? Хотя смущаться тут вовсе нечего - эскизы г. Каразина нисколько не лучше и не серьёзнее этикеток, изображённых им для чайных жестянок, и даже, может быть, скучнее по композиции.

Печально сопоставить, напр., Францию, где городские здания украшаются произведениями лучших художников, произведениями, сразу входящими в число достопримечательностей города, - и Россию, где такие важные города, как Одесса, декорируют Биржу незначительными, пряничными фресками. Чем Одесса хуже, напр., того же Лиона, получившего вдохновенные фрески Пюви? Я боюсь, как бы кто не заподозрил принципиальной ругани, нелюбви к Обществу акварелистов или к акварельной живописи вообще: целый ряд мастеров, с Фортуни во главе, доказали, каких чудных результатов достигает акварель. Насколько бы приятнее была возможность сказать такое же лестное и про наших акварелистов; но не только серьёзных задач, даже (что обиднее всего) стремлении к ним что-то не заметно в их Обществе.

Путаница, недоразумение (лат.). - *Ред.*

* * *

Совсем особый характер носила международная выставка, устроенная редакцией журнала "Мир искусства" в залах музея Училища технического рисования барона Штиглица.

За международною выставкою, казалось бы, должны были быть все преимущества, - ещё бы: среди экспонатов много громких имён, устроена выставка редакцией журнала, считающего себя носителем нового художественного направления, обставлена она уютно; почему же и она не могла оставить какого-либо впечатления, несмотря даже на одуряющий запах гиацинтов, в изобилии расставленных по зале?

В самых разнообразных изданиях находятся разборы выставки; оказывается, многие возмутились ею, серьёзно осерчали, хотя сердиться, в сущности не на что - на всей выставке лежит такой несомненный отпечаток легковесности и необдуманности, что она может скорее вызывать сожаления и улыбку, нежели серьёзные протесты.

Достигнуть своей цели международная выставка не могла по четырём существенным причинам. Во-первых, название её совсем не соответствует содержанию. Полагаю, для каждого понятно, в чём заключается отличие действительно Международной выставки от всякой другой с участием лишь нескольких иностранных художников. Организация такой выставки - дело трудное, не поддающееся щучьему велению, а требующее разностороннего обсуждения, при участии представителей разных национальностей. Нет хуже громкого названия при бедности и случайности внутреннего содержания!

Во-вторых, у каждого мастера, как бы велик и талантлив он ни был, непременно бывают вещи слабые и неудачные, вовсе его не характеризующие. Если выставить не очень сильную вещь художника известного местному обществу (как, напр., было с И. Репиным на настоящей выставке), то это промах ещё не великий - сравнительно с недоразумением, происходящим при экспонировании второстепенных произведений большого мастера, в данном месте мало известного. Плохую услугу сделает ему такая внимательность! - в ней будет скорее проглядывать собственная реклама, нежели истинное доброжелательство искусству, и, к сожалению, с этой-то стороны международную выставку нельзя особенно не укорить.

Невеликую услугу оказала она, напр., Бёклину, к которому следовало бы, конечно, отнестись повнимательнее, так как, к тому же, его картины в России ещё мало экспонировались. Что хорошего в выставленном "Центавре"! - какое мнение можно составить об авторе этой картины? Или ещё портрет девочки, работы Ленбаха, - разве даёт он представление об этом мастере? Главнейший из эскизов Пюви де Шаванна "Зима" уже хорошо знаком Петербургу по прошлой французской выставке, другие же два - вовсе не из лучших. Из работ Либермана трудно было выискать худшие! Не отвечают имени Даньяна-Бувере и Уистлера мизерные этюдики. Серьёзное недоумение вызывают и цены под ничтожными картинками Дега: его "Жокеи" стоят 40 000 рублей, - так что зрители имеют право недоумевать: опечатка ли это, сумасшествие или безграничное нахальство? Впрочем, говорят, художник не виноват в этих ценах - они дело рук его импресарио.

Третья причина, расхолаживающая впечатление от выставки, - это отсутствие в ней "картин", особенно сильно сказывающееся среди работ русских художников: ещё можно допустить, что иностранцы не совсем ясно представ-

ляли себе, для чего и куда дают они свои произведения, русских же - нельзя оправдывать подобным неведением. Очевидно, сами участники выставки смотрели на неё несерьёзно, не решались дать на неё вещи продуманные, цельные, а ограничились этюдами, эскизами, милыми пятнышками, подчас недурным материалом для будущих картин.

Хуже обыкновенного вещи Эдельфельта. Несерьёзен А. Васнецов. Левитан не выставил ничего значительного, так же, как и Нестеров. В. Поленов выставляет, вместо мастерских картин, малозначащие мозаики из речных камешков. Малявин даёт хороший портрет мальчика, но подчёркивает несерьёзное отношение к делу гигантским этюдом "Женщины в красном", который, при своей смелости письма, ещё раз заставляет задуматься: талантлив ли этот многообещающий художник или у него просто большие художественные способности, при отсутствии главного элемента таланта - творчества. Рушиц может создать крупную и сильную картину, в его таланте сомневаться нельзя, а он неожиданно ограничивается одними пятнышками, очевидно приберегая всё, что показательнее, для чего-нибудь более солидного. Подражания Сомова не могут иметь серьёзного художественного значения - всякое увлечение протитательно, пока оно не вошло в привычку.

Если редакция "Мира искусства" считает себя поборницей нового направления, то как объяснить присутствие на выставке произведений рутинно-декадентских, в своём роде, старых и шаблонных? Разве место на серьёзной художественной выставке афишечному портрету Ф. Боткина? Неужели хорош ломак "Варфоломей-отрок" Головина? Галлен - талантливый художник, никто не станет оспаривать достоинства его "Сампо" и "Айно", но его последующие работы в духе пресловутого "Conceptio artis" или имеющиеся на выставке "Отцеубийца" и "Музыка воды" уже вышли из пределов художественности и могут быть рассматриваемы лишь с отрицательной стороны. Остаётся пожалеть этого способного, но как-то свихнувшегося художника. Не решаюсь, к какому виду производства отнести изделия г-жи Якунчиковой. Публика не может усомниться в направлении выставки, глядя на режущие всякий здоровый глаз портреты Бернара, у которого тут же рядом милая вещица, вовсе не похожая на манеру его портретов, - это "Семья".

Подобная неразборчивость устроителей выставки мало хорошего принесёт искусству; безвременно одряхлевшее, отжившее декадентство и новое, свежее направление - вовсе не одно и то же. Правда, среди большинства публики довольно прочно засело убеждение, что всё не подходящее под известный параграф - непременно декадентское. Но винить публику за такое убеждение не приходится, - общее художественное образование не стоит на столь высоком уровне, чтобы иметь право требовать тонких художественных суждений от людей, отчуждённых судьбою от искусства на более или менее далёкое расстояние: публика в смешении нового направления с декадентством не виновата, виноваты устроители подобных выставок, в одну яму, без разбору, сваливающие и хорошее, и плохое. Жестокая услуга искусству!

От многочисленного фальшивого элемента несомненно теряют интересные вещи выставки. Сравнительно мало обращают внимания на картину Малявина - "Нашествие татар": орда, бесконечной лентой протянувшаяся по унылой степи, хорошо задумана, в лицах и подробностях много характерного, одно только неподходяще - размеры. Картина с таким серьёзным сюжетом должна быть грандиознее, так что в выставленной вещи хочется видеть удач-

ный эскиз, а не окончательную форму: жалко мельчить такие благородные и поэтические сюжеты... В миниатюрных этюдах Ционглинского много правды и света. Недурны: Менар (пейзаж с дождём), Лагард (общий тон приятен), Симон ("Деревенский бал"), портрет Серова (Мамонтовой), "У окна" Коровина, скульптура князя Трубецкого. Слишком мало была знакома публика с талантливой Е. Поленовой (недавно умершей). На выставке можно было ознакомиться с многими её эскизами и сочинениями орнаментальными. Лучшая работа из её работ, конечно, эскиз картины "Масленица". Архитектурная часть его, сверху чуть озарённая мягким солнечным лучом, - очень занимательна и верно передаёт дух эпохи; толпа, кишашая внизу, полна жизни, тон эскиза правдивый. Эскиз "Св. кн. Феодор, Константин и Давид" смутен по содержанию, но интересен по письму. 20-ть иллюстраций к русским сказкам полны юмора и прекрасно сочинены. Талантливая натура художницы под конец деятельности подалась в нежелательную сторону, результатом чего явились непонятные: "Свечи", "Ветер воеет", "Жар-птица" и др.

Из иностранцев же надо отметить пейзажи Таулоу. Вода у него передана удивительно: она живёт, струится, отражения и рефлексы играют, блещут, но тем печальнее сознание, что такие даровитые люди могут до того себя сузить, чтобы строить всё своё нравственное благосостояние на удачной струйке воды или ловко посаженной звёздочке, и только и делать, что всё повторять самих себя, с самыми малыми переменами.

Портреты Больдини, написанные хотя хорошо, особенно экспрессией или ловкостью приёма всё же не поражают.

В художественно-промышленном отделе выставки интересны вышивки Е. Поленовой и витрина производства г. Тиффани (Нью-Йорк); хороша и витрина с ювелирными изделиями г. Лялик, но его произведения находились также и на французской выставке.

* * *

Нынешняя французская выставка - менее интересна, нежели прошедшая (бывшая два года назад). Благое дело устройства иностранных выставок настолько ново, что нельзя особенно укорять за некоторую случайность подбора картин: иностранные выставки, до сих пор побывавшие в Петербурге (скандинавская, голландская, английская, итальянская), конечно, не могли ещё явиться систематическою школою современного развития искусств той или иной национальности; нетрудно было со стороны указать на важные для характера местной живописи промахи, но хорошо уже и то, что, по крайней мере, видно стремление обставлять выставку возможно полнее, - это стремление видно и на настоящей французской выставке.

Бесконечно подвижна жизнь французов, таково же и их искусство; настоящая выставка носит знаменитый отпечаток этой подвижности. Работы французов - всевозможных достоинств; всё куда-то бежит, стремится, опережает друг друга, путается и вновь выбивается на торную дорогу.

Кроме картинного отдела на выставке - значительный отдел художественно-промышленный, хорошо подчёркивавший значение декоративного искусства в современной жизни.

В прошлом № нашего журнала была уже корреспонденция о направлении французского искусства, в будущих предполагается их ещё несколько, а потому особенно распространяться о настоящей выставке нет нужды. Мало худо-

жественного интереса возбуждают такие большие картины, как "Посещение Государем Императором французской Академии" Brouillet, - исполнена она очень добросовестно, но *raison d'être*² её чисто фотографический; скучна огромная картина "Прибытие тореадоров в Севилью" Richon-Brunet. "Процессия" Duvent'a, помнится, рекомендованная корреспонденциями о салоне прошлого года, - вследствие слащавости, не может производить сильного впечатления. Для имени Roll'a выставленные работы - недостаточно значительны, хотя и мастерские. Между прочим интересны "Старухи" Le Sidaner'a и две головки Maxence'a. Хорошо написан Benjamin-Constant'ом портрет Ганото. Более других выдаются произведения: Cottet - триптих "В стране моря" ("Прощальный обед", "Отъезжающие" и "Остающиеся"), Sabatté - "Бедняк" (в церкви), военные сцены Detaille, пейзажи Harpignie и его ученика Gosselin'a и нек. др. Вообще есть на выставке новое, но хорошее, есть и новое, но чванливое, напыщенное, каковы, напр., произведения: d'Espagnat'a, Guil-laumin'a, Pissarro и некоторых других; неуравновешенные, вымышленные тона, шаблонная манерность если и явились в своё время оригинальную новинкою, то теперь, надо думать, искусство пошло дальше, и такие болезненные направления его уже не могут находить поклонников. По этим же самым причинам мало впечатления производят и картины нашумевшего Claude Monet, забывшего, что истинное художественное впечатление является результатом работы чувства, а не холодного рассудка, между тем, чувства-то в его произведениях и не заметно.

Десятка полтора картин можно бы выкинуть с выставки для её прямого благополучия, напр.: бездарную картину "Нимфу-охотницу" Wencker'a, портрет Abbema, "Танцовщицу" Carrier-Belleuse'a.

Французы большие мастера в миниатюрной скульптуре, мало кто с таким изяществом смешает разнородные материалы, даст лёгкое, грациозное движение, а потому отдел скульптуры на французской выставке, несмотря на многочисленность и на многое уже известное (по снимкам или репродукциям), производил приятное впечатление. Обращали на себя внимание и некоторые крупные вещи, напр.: "Датская собака" Gardet. Печальное исключение составляла "Ева" Roden'a.

Очень вкусными и изящными предметами переполнен промышленный отдел выставки. Прекрасны гобелены французских казённых фабрик, расписные стёкла и разные глиняные изделия. Чудесны отливки Decauville и других. Хороши витрины орфевра Boucheron'a и ювелирные изделия Lalique'a (некоторые из них слишком, однако, массивны). Превосходен по простоте сочинения шкаф старого дуба г. Lambert'a. Новые формы вообще хрупки, подвижны и всецело зависят от чутья автора; поэтому малейшая притуплённость вкуса приводит его к шаблону, как напр., панно Chevrell'я.

Оказались хорошо обставленными отчётные годовые выставки ученических работ в Школе Имп. Общества поощрения художеств и в Училище барона Штиглица. Можно было замечать недостатки в технике рисунков, чрезмерную тщательность фонов (отвлекающих внимание ученика от сути дела), резкость контуров, дешёвые тона живописно-натурного класса, но в общем, вспоминая, с каким разношёрстным контингентом учащихся приходится воевать преподавателям, надо отдать справедливость - им удалось дисциплинировать

² Смысл существования (фр.). - Ред.

стремления учеников и теперь предстоит последняя, высшая преподавательская задача - развить индивидуальность своих подначальных и сознательное отношение их к делу. Некоторыми органами указывалось на излишество класса живописно-натурного, являющегося живым звеном с Высшим художественным училищем при Академии, но хотя он и не входит в прямые задачи школ, однако, при повышенных художественных требованиях в Академии, остаётся только радоваться, если школа будет в состоянии удовлетворить и такой запрос.

Судя по всевозможным отзывам, лишь в одном отношении давался перевес Училищу барона Штиглица перед Школой Общества, а именно, в сочинении рисунков предметов художественной промышленности³. В отношении таких сочинений общее мнение, восхищаясь техникой их, было, однако, против нежелательного характера их содержания, - говорили: "Школе давно пора понять всю антихудожественность того направления, которое называется декадентством. Оно уже отжило свой век на Западе, и странно вызывать его к жизни у нас".

СПб. Археологический институт предпринял ряд художественно-археологических выставок, применительно к разным областям археологии, чтобы систематично распространять в обществе полезные сведения о древностях. 17-го января закрылась первая такая выставка, касавшаяся иконографии. Составилась она из нескольких частных собраний икон и других предметов церковной древности, принадлежащих: А. М. Постникову, И.П. Балашову, Н.П. Лихачёву, Н. Вл. Султанову, И.М. Ивакину, А. А. Парланду и др.

На выставке можно было ознакомиться с характером письма новгородского, московского и строгановского. Было также выставлено несколько мозаичных фрагментов работы мастерской г. Фролова. Интересны были весьма удачные подделки под старое письмо. Во время выставки посетители могли получить необходимые объяснения, дававшиеся членами института.

Было заметно, что администрация института приложила усилия составить выставку содержательно, и если она всё же сохранила, благодаря отдельным собраниям, до известной степени частный характер, то, ввиду новизны начинания, укорять в этом никого нельзя. Можно надеяться, что институт не оставит свою хорошую и необходимую затею, что выставки в стенах его со временем примут более законченный вид и тем самым заставят отнестись к ним с большим интересом.

Р. Изгой⁴

Искусство и художественная промышленность. 1899. Март. № 6. С. 479-490.

³ Как образцы заслуживавших особенное внимания композиций учащихся в Школе Общества, редакция журнала, в дополнение к помещённым уже снимкам ваз на конкурс Имп. Фарфорового завода, воспроизводит ещё в своём издании: проекты ковров, исполненных по заказу е.и. в. принцессы Евгении Макаسمилиановны Ольденбургской для Рамонской фабрики, и рисунки церковных облачений для л.-гв. Кавалергардского полка, по заказу проф. Л.Н. Бенуа.

⁴ Изгой - псевдоним Н.К. Рериха – ред.

**ВЕСЕННЯЯ ВЫСТАВКА В ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ
1899 г.**

23 февраля 1899 г.

ХРОНИКА

Комитет жюри для принятия картин на предстоящую Весеннюю выставку в Императорской Академии художеств избран в следующем составе: В.А. Беклемишев, К.Я. Крыжицкий, О.Э. Браз, А.И. Куинджи, Ф.Э. Руциц, А.Н. Бенуа, В.Е. Пурвит, Я. Розенталь, М.П. Холодовский, Н.К. Рерих, Г.Р. Залеман, Н.П. Химона, к.А. Стамбровский, В.И. Зарубин, К.Я. Фельдман.

Санкт-Петербургские ведомости. 1899. 23 февраля/7 марта. № 58.

24 февраля 1899 г.

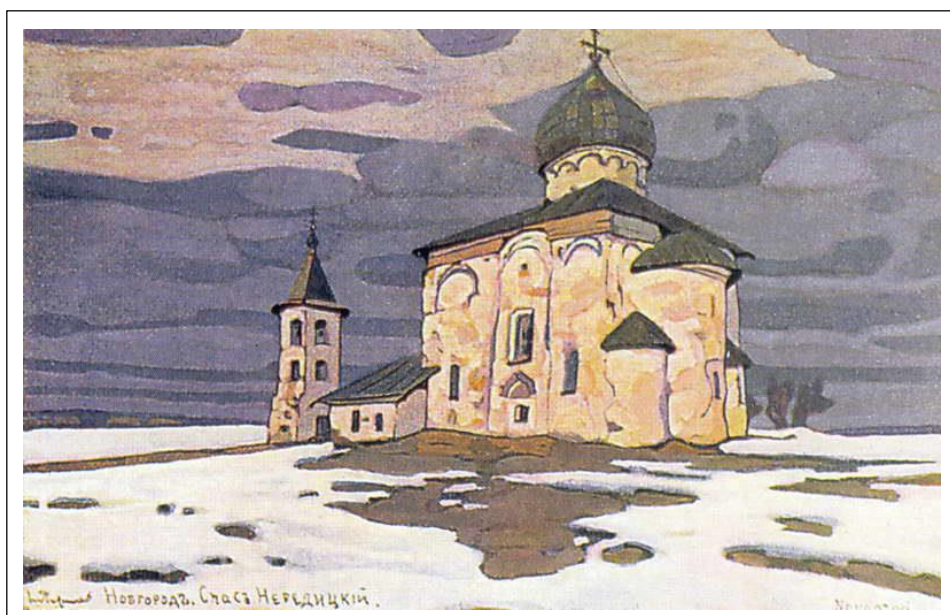
Н.К.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ НОВОСТИ

Результат баллотировки для избрания членов комитета предстоящей Весенней выставки в Академии художеств дал ожидаемый, но всё-таки не желаемый результат: состав комитета повторился почти целиком. Беклемишев, Крыжицкий, Браз, Куинджи, Руциц, Бенуа, Пурвит, Розенталь, Холодовский, Стамбровский, и Фельдман, одиннадцать человек прошлого комитета.

Вновь избраны только Рерих, Химона, Зарубин и г. Залеман. Кандидаты: г. Вальтер и г. Гинцбург – также прошлогодние члены комитета...

Новое время. 1899. 24 февраля/8 марта. № 8260.

Н.К. Рерих. Новгород. Спас Нередица. 1899.

МАРТ 1899

Н.К.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ НОВОСТИ

Только в залах Академии художеств в Петербурге может устраиваться такая большая выставка, как 3-я Весенняя, открывшаяся 7-го марта. Она занимает буквально всё выставочное помещение Академии, со всеми аполлоновскими, рафаэлевскими, гобеленовскими и прочими залами, со всем тем бесконечным рядом их, который тянется «по циркулю» вокруг всего огромного академического двора. Больших и малых картин, этюдов, рисунков, акварелей, пастелей, мзаики и скульптурных произведений на ней 374 <...>. Общий уровень выставки высок, большинство произведений, исключая, конечно, такие, как, например, портреты и панно г. Липгардта, невольно останавливают своей свежестью. Жаль только, что здесь очень и очень мало жанров, мало картин со сложной творческой задачей. По мастерству, по технике экспонентам Весенней выставки ещё трудно спорить с пейзажистами-передвижниками, но в смысле замысла здесь много такого, что останавливает внимание. и трудно решить, кто тут сильнее. Таковы, например:

В. Пурвит. Последний снег.

«Последний снег» В. Пурвита, «Сумерки» В. Зарубина,

Ф. Рущиц. Земля. 1898.

«Земля» Ф. Рущица, «Сумерки» М. Холодовского, «Луг» Н. Химоны и др.

Из картин, также интересных по замыслу, бросается в глаза едва ли не единственная картина Н. Рериха «Сходятся старцы», вещь, относящаяся к самой отдалённой эпохе истории русской земли, ко времени нашествия на Русь всех её бесчисленных врагов – чуди, мордвы и черемисов, хазаров и пр., да картина С. Зайденберга «Ремонт пути»...

Новое время. 1899. 11/23 марта. № 8274